

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК В НАШИ ДНИ

DOI: 10.31857/S086919080009039-9

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА¹

© 2020 И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ^a, А.С. БОГАЧЕВА^b, А.А. ДАВЫДОВ^c, И.Э. ИБРАГИМОВ^d,
Л.М. САМАРСКАЯ^e, И.А. СВИСТУНОВА^f, Н.Ю. СУРКОВ^g

^{a, b, c, d, e, f, g} – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

^a – ORCID:0000-0002-5937-9997; zvyagel@imemo.ru

^b – ORCID: 0000-0003-0556-6719; anastasia.s.bogacheva@gmail.com

^c – ORCID: 0000-0002-8899-8746; adavydov@imemo.ru

^d – ibragimov.ie@imemo.ru

^e – ORCID: 0000-0003-4596-4404; saluma@imemo.ru

^f – ORCID 0000-0001-5191-9090; isvistunova@imemo.ru

^g – nsurkov@imemo.ru

Резюме: В начале XXI в. на фоне обострившегося кризиса государственности и конфликтов страны Ближнего Востока переживают рост политизации идентичностей. Все более активно реализуют себя в политическом поле группы, идентифицирующие себя по общим этническим, религиозным, конфессиональным признакам и формулирующие на этой основе политические требования.

Использование идентичностей в процессе мобилизации для достижения политических целей показывает, что существующие различия между ними сами по себе не являются драйверами конфликта, а становятся таковыми в процессе политизации. Соответственно попытки объяснить политику участников международных отношений исключительно через примордиальный конфликт идентичностей малопродуктивны. В то же время рассмотрение политической идентичности может объяснить выбор государствами региона союзников и симпатизантов.

В статье представлен подход к решению поставленной задачи на основе проведения системно-исторического и сравнительного анализа и рассмотрения отдельных кейсов. Ближневосточные государства дают примеры как «классического» варианта идейно-партийной аффилиации, в основном привнесенной Западом, так и политизации местных идентичностей. Их соотношение внутри стран, а также трансляция во внешнюю политику рассмотрены в статье на примере Турции, Сирии, Ливана, Израиля и Ирана.

Если в турецком обществе преобладает политическая самоидентификация по идеологическому признаку, то в Сирии в условиях конфликта конфессиональные идентичности вышли на первый план. В Ливане конфессиональная система все еще определяет функционирование институтов. В Израиле, где религия является важнейшим элементом национальной идентичности, на политическом поле наблюдается симбиоз светских идеологий и религиозного дискурса. В Иране революция превратила исламско-шиитскую идентичность в основной компонент «официальной идеологии».

Использование фактора идентичности во внешней политике ситуативно. Акцентирование религиозной или конфессиональной идентичности может выглядеть анахронизмом в условиях широкого международного взаимодействия и даже оттолкнуть потенциальных партнеров. И все же прогнозирование развития конфликтных тенденций в регионе вряд ли возможно без учета фактора политической идентичности.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках проекта № 19-011-31318 «Влияние факторов формирования политической идентичности на внешнюю политику стран ближневосточного региона» в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Ключевые слова: политическая идентичность, Ближний Восток, идеология, множественные идентичности, современные и традиционные факторы, внешняя политика, региональные международные отношения

Для цитирования: Звягельская И.Д., Богачева А.С., Давыдов А.А., Ибрагимов И.Э., Самарская Л.М., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Политическая идентичность и ее влияние на внешнюю политику государств Ближнего Востока. *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 55–73. DOI: 10.31857/S086919080009039-9

POLITICAL IDENTITY AND ITS IMPACT ON THE FOREIGN POLICY OF THE STATES OF THE MIDDLE EAST²

© 2020 Irina D. ZVYAGELSKAYA ^a, Anastasia S. BOGACHEVA ^b, Alexey A. DAVYDOV ^c,
Ibragim E. IBRAGIMOV ^d, Liudmila M. SAMARSKAYA ^e,
Irina A. SVISTUNOVA ^f, Nikolai Yu. SURKOV ^g

^{a, b, c, d, e, f, g} — Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences

^a — ORCID: 0000-0002-5937-9997; zvyagel@imemo.ru

^b — ORCID: 0000-0003-0556-6719; anastasia.s.bogacheva@gmail.com

^c — ORCID: 0000-0002-8899-8746; adavydov@imemo.ru

^d — ibragimov.ie@imemo.ru

^e — ORCID: 0000-0003-4596-4404; saluma@imemo.ru

^f — ORCID 0000-0001-5191-9090; isvistunova@imemo.ru

^g — nsurkov@imemo.ru

Abstract: *At the beginning of the XXI century crisis of statehood and numerous conflicts in the Middle East have resulted in an increase of identities' politicization. Groups that identify themselves by common ethnic, religious and confessional characteristics and formulate political demands on this basis have become more active and politically pronounced.*

The use of identities to achieve political goals shows that the existing differences between them are not primary drivers of conflict; they can turn into such drivers only in the process of politicization. Accordingly, attempts to explain the policy of states and non-state actors exclusively through the primordial conflict of identities are unproductive. At the same time, political identity may be used instrumentally by the states in a search for allies and sympathizers.

Middle East States give examples of both the "classical" version of ideological and party affiliation, mainly introduced by the West, and the politicization of local identities. The authors use case-studies (Turkey, Syria, Lebanon, Israel and Iran) to estimate their correlation within countries, as well as their impact on respective foreign policies.

If in Turkish society political self-identification on an ideological basis prevails, in Syria confessional identities have come to the fore during the conflict. In Lebanon the confessional system still provides the functioning of institutions. In Israel, where religion is the most important element of national identity, there is a symbiosis of secular ideologies and religious discourse. In Iran the revolution has turned Islamic-Shiite identity into a major component of the "official ideology".

The use of the identity factor in foreign policy is situational. Emphasis put on religious or confessional identity can be eagerly embraced by some local actors, but can be perceived as anachronistic and as an obstacle to potential cooperation by international players. Nevertheless, forecasting the development of conflict trends in the region is hardly possible without taking into account the impact of political identity.

² The article is funded by the RFBR's and the EISR's grant allocated to the research project № 19-011-31318 «The Impact of Political Identity Factors on the Foreign Policy of the Middle East States». The project was carried out at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO).

Keywords: political identity, Middle East, ideology, multiple identities, modern and traditional factors, foreign policy, conflicts, international relations.

For citation: Zvyagelskaya I.D., Bogacheva A.S., Davydov A.A., Ibragimov I.E., Samarskaia L.M., Svistunova I.A., Surkov N.Yu. Political Identity and its Impact on the Foreign Policy of the States of the Middle East. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 2. Pp. 55–73. DOI: 10.31857/S086919080009039-9

ВВЕДЕНИЕ

Проявления политической идентичности столь же многочисленны, сколь многочисленны группы, идентифицирующие себя по общим идеологическим, этническим, религиозным, конфессиональным, племенным, расовым, территориальным, гендерным признакам и формулирующие на этой основе политические требования. «Политическая идентичность формируется в процессе политизации этих идентичностей, вовлечения их носителей в отношения, связанные с реализацией политических интересов, и становится, таким образом, одной из важнейших категорий, позволяющих концептуализировать динамику общественных отношений», – отмечала российский исследователь И.С. Семененко [*Идентичность...*, 2017, с. 72].

Современные политологические исследования сфокусированы на том, каким образом проявляют себя культура и идентичность, «как они конструируются, изобретаются и коммерциализируются в качестве средств достижения политических целей» [Coate, Thiel, 2010, p. 3].

К понятию «политическая идентичность» тесно примыкает политика идентичности, обозначающая борьбу ущемленных в социальном и политическом отношении групп за общественное признание и политическое представительство [Diamond, 2012, p. 64].

Политика идентичности берет за основу те характеристики группы, которые отличают ее от остального общества. Известный российский этнолог В.А. Тишков отмечал, что социально-культурные общности можно рассматривать как социальные конструкции, суть которых «составляет разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к общности, или идентичность, а также возникающая на ее основе солидарность» [Тишков, 1997, с. 28]. Политика идентичности превращает политические, правовые и культурные запросы таких социальных групп в политическую программу [Kalin, 2006].

Повышенное внимание специалистов к данной проблеме далеко не случайно. Политическая идентичность – одна из ключевых характеристик общественных отношений, не только отличающая политические системы, но и влияющая на внешнеполитическое поведение различных акторов международных отношений. Внешнеполитические стратегии государств, поиск ими союзников и партнеров нередко предполагают использование идентичности как политического инструмента. По мнению Кристины Коуш, представляющей американский Фонд Маршалла в Германии, «политические элиты во всем мире пользуются растущей привлекательностью политики идентичности, обращающейся к конкретным группам ...» [Kausch, 2018, p. 49].

Политизация идентичностей и их борьба за справедливое представительство и доступ к ресурсам в принципе тесно связаны. Некоторые западные авторы даже склонны сводить политику идентичности к попытке «преодолеть отсутствие политического представительства» или к стремлению «трансформировать массу разнообразных предпочтений в политический курс через институты представительства ...» [Dalglish, 2013, p. 73].

На деле борьба за представительство может выглядеть куда более приземленно, особенно в случае, если институты представительства являются слабыми или перестают отвечать общественным запросам. «Сепаратисты, этнонационалисты, правые популисты, религиозные экстремисты, а также укоренившиеся элиты стратегически опираются на

политику идентичности, чтобы мобилизовать людей в соответствии с собственными корыстными интересами» [Kausch, 2018, p. 54].

На Ближнем Востоке, где современные инклюзивные институты, способные транслировать в общественную жизнь интересы отдельных групп, являются скорее исключением, чем правилом, политическая идентичность и политика идентичности выступают как две стороны одной проблемы.

Инструментализация идентичности, ее использование в процессе мобилизации для достижения политических целей не только акцентирует значимость принадлежности к отдельным сообществам, но одновременно показывает, что существующие различия между ними сами по себе не являются драйверами конфликта. Они становятся таковыми в процессе политизации. Соответственно попытки объяснить политику участников международных отношений исключительно через примордиальный конфликт идентичностей малопродуктивны. Противоречия между Ираном и Саудовской Аравией не вызваны доктринальными конфессиональными различиями, а процессы радикализации нельзя считать исключительно производной религиозных представлений или этнической культуры. В то же время на примере их отношений инструментализм в использовании конфессиональной идентичности виден особенно четко. Для Ирана достаточно быстро стало ясно, что экспорту иранской революции мешает акцент на конфессионализм. Во время «арабской весны» Тегеран преподносил свою исламскую революцию не как шиитскую, а как модель для всего мусульманского мира. В то же время в противостоянии с Саудовской Аравией или при осуществлении политики в Сирии конфессиональный (шиитский) фактор играет важнейшую роль в обеспечении интересов ИРИ. Для Саудовской Аравии суннизм в ваххабитском варианте как пример сохранения чистоты ислама подкрепляет ее претензии на роль лидера всего мусульманского мира, а также создает дополнительные возможности мобилизации для сдерживания Ирана, который использует в своих интересах шиитские общины в отдельных арабских государствах.

Можно утверждать, что политизация идентичности является неременной чертой современных конфликтов на Ближнем Востоке. Эти конфликты чаще всего являются асимметричными, происходят на территории одного или смежных государств, отличаются многообразием участников и включают в разной мере внешнее вмешательство со стороны региональных и/или глобальных держав. Именно в такого рода конфликтах политизированная идентичность становится как драйвером конфликта (в противопоставлении «мы и они»), так и важнейшим инструментом в руках оппонентов. Многочисленные прокси-войны или их элементы (Сирия, Йемен, Ирак, Ливия) дают примеры использования региональными силами стратегических и тактических союзников, связи с которыми сформировались на базе общих элементов идентичности (конфессиональной, этнической, племенной).

Однако влияние идентичности на внешнеполитическое поведение не ограничивается только поиском союзников из числа культурно «близких». Не менее важным фактором трансляции идентичности во внешнюю политику является воздействие отдельных групп на принятие политических решений. Такие группы могут трансформировать свой военный потенциал в политическое влияние (например, Хизбалла в Ливане) или свою роль как носителей национальной идентичности в продавливание внешнеполитических решений (религиозное поселенческое движение в Израиле).

ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Процессы формирования политической идентичности привлекают широкое внимание отечественных и зарубежных исследователей. Как правило, они анализируются наряду с национальной, этнической и культурной идентичностями, которые подвержены значи-

тельному влиянию таких факторов, как историческая память, обычаи и традиции, а также привнесенных извне концепций, моделей и институтов. Вместе с тем, как справедливо отмечал бывший директор турецкого аналитического центра СЕТА Ибрагим Калын³, современные дискуссии об идентичности нередко носят узкий характер, так как этнические, политические и социальные идентичности рассматриваются в отрыве от системы ценностей, которые разделяет человек [Kalin, 2006].

Среди зарубежных исследователей основоположниками изучения проблем идентичности являются Э. Геллнер [Геллнер, 1991], Б. Андерсон [Anderson, 1983], Г. Тэджфел [Tajfel, 1978]. Свое продолжение идентитарные исследования нашли в работах таких авторов, как К. Калхун [Calhoun, 1994], Р. Брубейкер [Brubaker, 2002], В. Сондерсон, П. Вайнрайх [Saunderson, Weinreich, 2003] и др.

Динамичные социально-политические изменения в мире привели к изменению фокуса исследований, который сместился с выработки теории на иллюстрацию ее региональными примерами, в частности, в работах А. Рошвальда [Roshvald, 2001] и П.К. Хогана [Hogan, 2000].

В российской науке исследованию вопросов политической идентичности посвящены многочисленные работы И.С. Семененко [Семененко, 2016, 2011], а также возглавляемого ею коллектива авторов ИМЭМО РАН, подготовившего в последние годы фундаментальные энциклопедические издания [*Политическая идентичность...*, 2012; *Идентичность...*, 2017]. В этих книгах рассмотрены различные виды индивидуальной и коллективных идентичностей, дана оценка теоретико-методологических подходов к идентитарным исследованиям.

Отечественные ученые продолжают развивать выдвинутые зарубежными авторами теории, обогащая их собственными подходами. Так, феномен роста конфликтности на Ближнем Востоке рассматривается В.В. Наумкиным [Наумкин, 2015] сквозь призму теории глубоко разделенных обществ, которую разрабатывали Л. Андерсон [Anderson, 2013], Р. Кумар [Kumar, 2009], А. Маккалох [McCulloh, 2014], А. Лейпхарт [Lijphart, 1969]. На примерах ближневосточных государств В.В. Наумкин анализирует параметры отнесения стран к категории глубоко разделенных обществ и выстраивает структуру разобщенности, учитывающую широкий спектр этнических, религиозных и конфессиональных, родоплеменных, социальных, патронажно-клиентельных, межрегиональных и иных делений. При этом в ряде стран наблюдается многоуровневая разделенность.

Ряд исследователей проблем идентичности концентрируются на изучении этой темы на примере восточных обществ, рассматривая такие вопросы, как мусульманская политическая идентичность, особенности национализма и этнической идентификации в исламском мире, специфика национальных движений, национальной психологии и этнополитических процессов на Востоке, выбор национальных моделей демократии, эволюция национальных идеологий в исторической ретроспективе и на современном этапе. Среди них В.Я. Белокрыцкий [*Нации и национализм...*, 2015], Г.Г. Косач [Косач, 2015], Н.Г. Киреев [Киреев, 2015], В.В. Орлов [Орлов, 2015], С.Ф. Орешкова [Орешкова, 2015], М.О. Нессар [Нессар, 2015]. С точки зрения избранной темы интерес представляют подходы В.А. Кузнецова к проблеме региональной идентичности на Ближнем Востоке в условиях современного развития [Кузнецов, 2019].

Ряд отечественных и западных авторов рассматривали влияние на процессы формирования политической идентичности внерегиональных, прежде всего западных, сил. Можно отметить работы Л.Д. Оганисян [Оганисян, 2016], Т. Карозерс [*Uncharted...*, 2005], С. Хантингтон [Huntington, 1993], Ф. Фукуямы [Fukuyama, 2018].

³ В настоящее время занимает должность пресс-секретаря президента Турции.

Исследователи из стран Ближнего Востока в последние годы также стали уделять внимание проблемам идентичности в странах своего региона. В первую очередь эта тематика привлекает внимание ученых, работавших в западных научных и образовательных учреждениях. В их числе такой турецкий автор, как К. Карпат [Karpat, 2009], изучавший различные аспекты формирования идентичности турецкого общества со времен Османской империи до современности. Взаимосвязь идентичности и внешней политики Турции рассматривает в своей работе У. Узер [Uzer, 2011] на примере споров и конфликтов с участием Турции. О. Тюркдоган [Türkdoğan, 2016] фокусируется на вопросах идентичности в турецком обществе в связи с положением этноконфессиональных меньшинств.

Отдельного упоминания заслуживают работы по этнополитическим и этноконфессиональным конфликтам, драйверами которых становятся политизированные идентичности, придающие им ценностный характер [Burton, 1990; Horowitz, 1985].

При подготовке статьи авторы использовали также материалы полевых исследований, полученные во время командировок в страны Ближнего Востока, осуществленных при поддержке гранта РФФИ.

Сочетание различных типов политических идентичностей может оказывать воздействие не только на внутривосточный пейзаж, но и на внешнюю политику отдельных игроков и соответственно на международные отношения на Ближнем Востоке.

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

На Ближнем Востоке формирование современных государств шло под влиянием европейского национализма, который был очень специфически воспринят обществами региона и по-своему транслирован в политическую практику.

Одним из ключевых следствий европейского влияния стало распространение западных светских моделей государственного управления. Корни этого процесса стали наблюдаться во второй половине XIX – начале XX в. по мере постепенного образования гражданских, а не монархических или религиозных институтов в системе власти Персии и Османской империи. В регионе утвердились две долгосрочные тенденции: укрепление светского национализма, активность которого в наибольшей степени проявилась в период после Второй мировой войны, и политизации ислама, которая стала наблюдаться с конца 1980-х гг. как ответ на распространение европейских идеологий [Кудряшова, 2012].

Развитые институты, опыт идеологической конкуренции и высокий уровень социально-экономического развития позволили странам Европы и США сыграть важную роль в процессах формирования политической идентичности стран региона. При этом восточный национализм развивался на основе заимствования западных идеологий с одновременным неприятием западных ценностей и образцов организации общества.

Арабский национализм, делавший упор на культурной общности арабов и синтезировавший основные идеи европейских социализма и национализма, не стал в большинстве государств драйвером создания институтов. Даже успешное строительство отдельных государств испытывало влияние доминировавшего аграрного уклада, этноконфессиональной и племенной лояльности, и именно их политизация компенсировала институциональную бедность и неразвитость [Звягельская, Кузнецов, 2017].

Особенно заметно это было на примере монархий, где легитимность поддерживалась в том числе религиозным фактором, позволявшим усилить позиции государства во внешнем мире (Саудовская Аравия, Иордания). В других арабских государствах усиление этноконфессиональной (Сирия, Ливан) или этноплеменной идентичности (Ливия) становилось результатом внутренних потрясений и конфликтов.

Исключением на Ближнем Востоке были Израиль, Турция и Иран. В Израиле, ставшем продуктом еврейской версии западного национализма, еще в догосударственный период сформировались политические партии с четко выраженной идеологией. В Турции, находившейся под влиянием западноевропейской модели, процесс государственного строительства хотя и имел свои специфические черты, но в целом не отторгал рецепты выстраивания системы, когда политическая идентичность реализовывалась через идейную аффилиацию с различными партиями и движениями.

Вместе с тем и Израиль, и Турция сталкиваются (хотя и в разной степени) как с вызовами политизированной религиозной идентичности, так и с проблемами этнической политизации (арабы и курды соответственно).

Иран, с точки зрения рассматриваемой темы, является одним из наиболее ярких примеров сосуществования политической религиозной или конфессиональной идентичности и современных институтов и политической системы.

Ближневосточные государства дают примеры как «классического» варианта светской идейно-партийной аффилиации, так и политизации религиозных, этнических и племенных групп.

Турция: светская идеология versus исламизм

В основе формирования политической идентичности в Турции исторически и поныне остаются идеологические факторы. Переход в 1923 г. к республиканскому строю, сопровождавшийся глубокими реформами всех сфер жизни турецкого общества по европейскому образцу, закрепил принцип гражданской идентичности. При этом был введен запрет на использование религиозного фактора в политической и общественной жизни. Однопартийный режим Народно-республиканской партии (НРП), просуществовавший в стране почти четверть века, прочно закрепил установленный порядок. Даже после перехода к многопартийности политические партии в Турции создавались исключительно по идеологическому принципу, а религиозные и этнические факторы не политизировались.

Политизация религиозного фактора в Турции произошла в начале XXI в. с приходом к власти происламской ПСР, которая нарушила прежние табу и внесла изменения в законодательство. Самые заметные маркеры этого процесса – отмена запрета на ношение мусульманского головного платка женщинами-госслужащими, преподавателями и учащимися высших учебных заведений, а также официальное участие высшего руководства страны в религиозных церемониях. У турецких политологов даже появился термин «мусульманские демократы» по аналогии с европейскими «христианскими демократами». Другой вариант определения политической идентичности правящей партии – «консервативные демократы» [Uyanık, 2012].

В период правления ПСР в Турции развернулось обсуждение возможности внесения поправок в 66-ю статью Конституции, объявляющую каждого гражданина Турецкой Республики турком [Türkiye Cumhuriyeti Anayasası]. Начало ему положила публикация работ профессора Б. Орана, входившего в Совет по правам человека при правительстве Турции. Оран предложил заменить слово «турок» (Türk) в качестве названия гражданства на слово «турциянин» (Türkiyeli), которое не имеет этнического смысла и является производным от названия страны [Oran, 2004, p. 116, 126]. Предложение вызвало протесты в турецком экспертном сообществе [Sadı, 2017], на долгие годы стало темой для дебатов [Güzel, 2013], но не привело к изменению Конституции.

Основой политической идентичности в Турции по-прежнему является идеология, что выражается в разнообразии программ, которые предлагают избирателям турецкие политические партии: мусульманские демократы, республиканцы-лаицисты, националисты, социалисты, коммунисты и т. д.

В июле 2019 г. турецкая исследовательская компания «Оптимар» провела в 26 провинциях Турции опрос общественного мнения, в ходе которого респондентам предлагалось определить свою политическую идентичность. 25.2% опрошенных назвали себя ататюркистами, 22.1% – демократами, 11.3% – националистами, 9.7% – консерваторами, 7.8% – верующими, 4.5% – мусульманами [Özkök, 2019]. Итоги опроса свидетельствуют о преобладании в турецком обществе политической самоидентификации по идеологическому признаку, что является плодом радикальной вестернизации политической жизни в Турции, начавшейся почти столетие назад.

Сирия: конфессиональная идентичность versus идеология

Политическая идентичность в Сирии в значительной степени формировалась под влиянием идеологии партии БААС (Партия арабского социалистического возрождения), которая правит Сирией с середины 1960-х гг. и позиционирует себя как социалистическая. Она стремилась сгладить характерные для сирийского общества конфессиональные различия: большинство населения составляют мусульмане-сунниты, а в руководстве страны преобладают алавиты, которых принято считать одним из ответвлений шиитского ислама. Кроме того, в стране проживает значительное число христиан и друзов [Playing the Sectarian Card..., 2015, p. 7]. Чтобы компенсировать слабость сирийской идентичности, баасистам пришлось обращаться к наднациональной идеологии – панарабизму [Hinnebusch, 2015, p. 67]. Акцентировались идеи арабского освобождения и возрождения, что полностью вписывалось в смысловое содержание эпохи национально-освободительного движения. На протяжении 30 лет арабский национализм доминировал над сирийским, и критическим моментом формирования сирийской идентичности стал период 1961–1966 гг., когда баасисты разработали свою националистическую идеологию. «В борьбе внутри БААС победили сирийские националисты, которые изгнали арабских националистов в Ирак, хотя использование панарабской риторики продолжилось» [Devlin, 1991, p. 1403].

Хафез Асад сделал ставку на строительство современного государства-нации на основе светского, неэтнического национализма, чтобы сформировать идентичность, которая объединила бы все группы населения. Однако на практике с учетом фрагментированности сирийского общества и особенностей формирования правящей элиты общенациональная идентичность оказалась весьма слабой.

В результате начавшийся в 2011 г. кризис быстро превратился из чисто политического противостояния правительства и оппозиции в конфликт с ярко выраженным конфессиональным компонентом, когда среди суннитов зазвучали призывы покончить с «диктатурой алавитов» [Wimmen, 2016, p. 3]. Такого рода лозунги, нацеленные на мобилизацию отдельных групп, не отражали реального положения дел, поскольку и политическая, и бизнес-элита состояли из представителей разных конфессий и этносов и вовсе не замыкались на алавитской общине. Речь шла о политизации конфессиональной идентичности, а вслед за ней и этнической, когда при поддержке США курды на северо-востоке Сирии попытались начать строительство де-факто самостоятельного государства [Barkley, 2019, p. 107].

Властям вряд ли удастся быстро загнать в рамки сирийского национализма разбуженный в ходе конфликта конфессионализм. В то же время у них просто не будет иного выхода, кроме возвращения к светской идеологии. Сирийский политолог Мохаммад Хейг Али из Центра Карнеги в Бейруте полагает, что режим в Дамаске и дальше будет делать ставку на идеологию как основу идентичности: «В новых условиях националистическая риторика сохранится, но уже без панарабской составляющей. Это будет сирийский национализм. Постконфликтная идентичность точно не будет конфессиональной, поскольку это помешает сплотить меньшинства. Более того, в Сирии сейчас наблюдается противостояние светской идентичности, защитником которой является государство, и исламизма. Оппозиционеров воспринимают как консервативных исламистов».

С этим выводом можно согласиться, но с учетом обветшалой и непопулярной в обществе баасистской идеологии переход к общесирийской политической идентичности потребует новых механизмов и инструментов. По словам Хейко Виммена, ближневосточного эксперта International Crisis Group, власти в Дамаске широко используют для формирования новой политической идентичности идею борьбы с экстремизмом, когда государство защищает мультикультурное общество от радикалов. Одновременно продвигается идея «гомогенной нации», т.е. свободной от фрагментации по конфессиональному или этническому признаку: «Националистический дискурс сохранил мобилизующую силу, но это уже более узкий национализм, поскольку только “сирийский национализм” может сработать с неарабами, прежде всего с курдами, которых постараются интегрировать в общество».

Только через возрождение политических институтов, в том числе инклюзивных политических партий, может быть возможна консолидация сирийского общества. Однако непонятно, как далеко в этом отношении будет готов пойти сирийский режим, не имеющий ни опыта существования в политически диверсифицированной среде, ни желания реформировать существующую политическую систему. В подобной ситуации политизированный конфессионализм и этничность имеют все шансы не только сохраниться, но и продолжать оказывать влияние (скорее всего дестабилизирующее) на постконфликтную Сирию.

Израиль: симбиоз светской идеологии и религиозного дискурса

Современная израильская еврейская политическая идентичность является продуктом политического сионизма и многовековой религиозной традиции. Политический сионизм не был политически однородным. Его проводниками были либеральные, социалистические, правые и религиозные партии, с которыми аффилировалось еврейское население Восточной Европы и России, а затем и еврейская община в Палестине (ишув). Однако все большую роль после создания Государства Израиль стало играть направление, изначально боровшееся с сионизмом: ультраортодоксальное движение «Агудат Исраэль», а также и другие похожие партии и группировки.

Вопросы политической идентичности значительно актуализировались в общественно-политическом дискурсе Израиля на современном этапе. Большинство исследователей сходятся в том, что в 1960–1970-х гг. израильская идентичность была во многом трансформирована: это было связано прежде всего со значительным притоком более религиозных евреев-сефардов, а позже с «эйфорией» от успехов в Шестидневной войне 1967 г. Всё это привело к росту правых настроений среди израильтян и усилению позиций религиозников [Waxman, 2006, p. 16; Laquer, 2003, p. xxiii].

Уровень влияния религиозных партий на избирателей достаточно высок. Об этом свидетельствуют и данные выборов: 17 сентября 2019 г. партии ашкеназских и сефардских ультраортодоксов «Яхадут ха-Тора» и ШАС получили по семь и девять мест соответственно – в сумме больше, чем арабский блок с тринадцатью местами [Final Election Results..., 2019]. С учетом того, что и правый умеренно религиозный блок «Ямина» тогда же обеспечил себе семь мест в Кнессете, можно сказать, что влияние ортодоксов на израильскую политику достаточно велико, поскольку за них готовы голосовать около двадцати процентов активного электората.

Особенностью современной израильской политической идентичности является сочетание светско-демократического и этнорелигиозного компонентов. При этом их соотношение на различных политических уровнях неодинаково. Если этнорелигиозный компонент идентичности оказывает влияние на региональную политику Израиля (палестинская проблема), то на глобальном уровне на первый план выходит светская идентичность.

Ливан: вызовы конфессиональной системе

Ливан – единственная страна на Ближнем Востоке, где официально признаны 18 религиозных общин (12 христианских, 5 мусульманских и 1 иудейская). По оценочным данным, почти 60% населения страны составляют мусульмане (сунниты – 28.7%, шииты – 28.4%, остальные – алавиты, исмаилиты), более 30% – христиане, около 5% – друзы [2017 Report..., 2017]. Согласно «Национальному пакту» (1943), христиане не будут добиваться вмешательства внешних сил в управление государством и признают Ливан арабской страной, а взамен мусульмане признают независимость Ливана не только от Франции, но и от Сирии [Krayem, 1997, p. 412].

Так сложилась многоконфессиональная политическая система, в основу которой легло пропорциональное представительство признанных религиозных общин в основных властных структурах. Государственные должности распределялись следующим образом: президентом страны должен быть христианин-маронит, премьер-министром – мусульманин-суннит, а спикером парламента – мусульманин-шиит. В целом, несмотря на достигнутый компромисс, система распределения постов и доступа к ресурсам, не зависящая от реальной обстановки и численного соотношения общин, надолго стала фактором дестабилизации.

В соответствии с конфессиональным делением в Ливане формировались и политические партии. Они защищают интересы либо общины в целом, либо различных групп внутри каждой общины. Политическая жизнь конфессиональных общин при этом находится под контролем традиционных семейных кланов. В течение десятилетий в Ливане существует своего рода монополия на парламентское представительство, остающееся прерогативой ограниченного круга семей. В результате помимо противоречий между конфессиональными группами внутри практически каждой из них исторически сложилось несколько противостоящих друг другу фракций. Зачастую эти фракции ради увеличения своего влияния опираются на внешнее покровительство.

По мнению экспертов, которые были опрошены авторами во время поездки в Ливан в сентябре 2019 г., ливанская идентичность в последние десятилетия претерпевает трансформацию. На современном этапе ливанцы, особенно молодежь, готовы к сосуществованию в рамках единой нации, не разделенной по религиозному признаку. Благодаря социальной мобильности и перемещению населения в города происходит постепенное перемешивание конфессиональных общин, что положительно влияет на процесс формирования общей ливанской идентичности. Однако следует разделять ливанское общество и конфессиональные элиты, которые до сих пор живут в рамках системы конфессионализма. Поэтому среди большинства населения распространена двойная идентичность: религиозная и национальная. Однако в последнее время национальная идентичность превалирует, особенно среди молодежи. Так, в 2017 г. Tabah Foundation провел исследование среди молодежи арабских стран об их идентичности [Muslim..., 2017]. Респондентам было предложено ранжировать четыре источника идентичности: национальная, религиозная, арабская и родоплеменная. Больше половины молодых ливанцев определили себя как граждан своей страны (50%) или арабов (28%). Значительно меньше ливанской молодежи видят себя мусульманами (18%), и только 3% опрошенных в первую очередь руководствуются родоплеменной идентичностью.

Осенью 2019 г. в ходе новой волны протестов в Ливане митингующие вышли за рамки конфессиональных различий – протест объединил всех ливанцев. В современном ливанском обществе все же можно говорить не о демонтаже конфессиональной системы, а лишь о ее изменении. Как представляется, религиозные общины еще в течение долгого времени будут сохранять влияние, а формирование гражданской идентичности ливанцев будет идти параллельно с сохранением конфессиональной.

Иран: от национальной идентичности к исламскому государству

В начале XX в. политизация «иранской» идентичности осуществлялась с опорой на «иранский национализм»⁴. Политика «иранизации», проводившаяся Резой Пехлеви в 1920–1930-х гг., была направлена главным образом на подавление идентичностей периферийных этносов. Тогда же была сформулирована концепция «единой иранской нации». Концепция апеллировала к чувству национально-культурной исключительности иранцев⁵, предполагала создание культа монархии (в первую очередь лично шаха) и пропаганду «этнонациональной однородности» иранцев. Со временем концепция приобрела ярко выраженную ассимиляторскую направленность и стала широко применяться во внутренней политике [Жигалина, 1996, с. 99].

В свою очередь, шиитское духовенство с 1950-х гг. стало выступать организованной политической силой в ходе борьбы за национализацию нефти, а религиозно-политический модернизм стал оказывать определяющее влияние на всю общественную мысль. Ответом на это со стороны шаха Мохаммеда Резы Пехлеви стало подавление «исламско-шиитской идентичности». Начались репрессии против духовенства, продолжавшиеся вплоть до исламской революции.

Революция 1979 г. превратила исламско-шиитскую идентичность в основной компонент «официальной идеологии». Была сформулирована концепция «общности исламской уммы» [Прозоров, 1984, с. 210–211]. При этом хоть данная «идентичность» и стала преобладающей, идея об исключительности «иранской нации», лишенной исламского контекста, окончательно не была исключена из общественного дискурса. В Иране всегда оставались те, кто относился (и относится) к «Исламской Республике» скептически, до сих пор считая своей исключительно «иранскую» идентичность.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Баланс между идеологической и религиозной/конфессиональной идентичностью в отдельных государствах Ближнего Востока определяет особенности трансляции политической идентичности во внешнюю политику.

Турция. Во внешней политике Турции отражаются различные идеологические течения. В частности, прозападные секулярные черты политической идентичности турок обусловили стремление страны к вступлению в Европейский Союз [Uzer, 2011, p. 23]. Получившая развитие при ПСР идеология неосоманизма сформировала у турецкого руководства представление о своей особой ответственности за положение дел в соседних регионах (бывшие территории Османской империи), а также усилила стремление Турции, считающей себя исторической наследницей великой империи, играть более заметную роль на мировой арене. Этим объясняются регулярные призывы президента Эрдогана к реформе Совбеза ООН под лозунгом «Мир больше пяти» [Uzer, 2018], претензии на особую роль в НАТО, конфликты с США и попытки давать «зеркальные ответы» на американские санкции.

Примером влияния неосоманской идеологии на внешнеполитическую идентичность Турции стал сирийский кризис. Об этом свидетельствовали слова Р.Т. Эрдогана, назвавшего беспорядки в Сирии «внутренним делом Турции», а также признание Анкарой за собой права совершать трансграничные операции и в одностороннем порядке вести борьбу с вооруженными отрядами сирийских курдов, которых турецкие власти считают террористами.

⁴ Представления о гегемонизме в Иране и в регионе персидского этноса.

⁵ Наряду с прочим «национальная гордость» способствовала росту внешнеполитических амбиций и сказывалась на понимании Ираном своей «миссии» в регионе.

Противодействие Турции сепаратистским устремлениям иракских курдов также осуществляется в духе неоосманской идеологии. В случае необходимости турецкое руководство готово выступать единым фронтом со своим региональным соперником – Тегераном, что было, в частности, продемонстрировано реакцией двух стран на референдум в Иракском Курдистане в 2017 г., а также их участием в Астанинском формате.

Религиозный фактор получил отражение во внешнеполитической идентичности Турции в период правления происламской ПСР. Внешнеполитическими инструментами ПСР стали выступления в защиту прав палестинцев и конфликты с Израилем, призывы к борьбе с исламофобией в Европе [Duran 2019, p. 7–8] и оказание гуманитарной помощи мусульманам-рохинджа в Мьянме, расширение контактов с мусульманами на Балканах и в Центральной Азии, реставрация мечетей в различных странах и организация благотворительных ифтаров в Африке.

Инструментализация религиозной идентичности в период правления ПСР позволила Турции стать еще более заметным игроком в различных странах и регионах.

Сирия. В условиях кризиса, начавшегося в 2011 г., конфессиональная идентичность стала играть более заметную роль в сотрудничестве Дамаска и его региональных союзников – Ирана и ливанской Хизбаллы. По «алавитской» линии правительство Б. Асада опирается на поддержку созданных Ираном шиитских милиций, а также использует опыт Хизбаллы, которая традиционно полагалась на дискурс сопротивления как основу для политической мобилизации ливанских шиитов. Одновременно подчеркивается приверженность Сирии, Ирана и Хизбаллы умеренному исламу, что предполагает борьбу с суннитскими радикалами и созданными ими террористическими организациями.

В то же время сотрудничество на основе шиитской идентичности вряд ли отвечает долгосрочным интересам Дамаска. Сирийскому правительству, вероятно, придется ограничивать сотрудничество с Ираном и ливанской Хизбаллой не только потому, что их интересы по укреплению своего влияния в Сирии все больше расходятся с интересами Дамаска, но и потому, что в их политике слишком ярко проявляется конфессиональная составляющая. Именно так поступали сирийские власти еще при Хафезе Асаде, стараясь строить взаимодействие с Ираном на основе прагматических интересов, а не религии [Understanding Iran's Role..., 2016, p. 12]. Необходимость для Дамаска демонстрировать «нешиитский» характер центральной власти диктует, в частности, курс на развитие отношений с РФ, которая рассматривается как нейтральная сила. «Современные сирийцы считают себя прежде всего сирийцами, а не алавитами или суннитами, поэтому для них предпочтительнее союз со светской Россией», – полагает Хейг Али.

Можно ожидать попыток возродить Сирию после войны как сильное и играющее заметную роль в регионе государство. Хотя «шиитский фактор» стал играть более заметную роль в условиях кризиса, но Асад постарается избавиться от такой политической окраски при первой возможности, поскольку подобная идентичность помешает нормализации отношений со странами Залива и консолидации общества.

Израиль. Израильская внешняя политика, как правило, сохраняла единые и для левых, и для правых партий подходы. Долгое время в ней большую роль играл этноконфессиональный компонент: поскольку отношения Израиля с арабскими государствами были враждебными, среди его внешнеполитических приоритетов было налаживание контактов с мусульманскими неарабскими государствами или общинами. В качестве примера можно привести так называемый периферийный альянс – неофициальное партнерство середины XX в. между Израилем, Турцией, Ираном и Эфиопией, а также особые отношения Израиля с религиозными и этническими меньшинствами – маронитами, курдами [Звягельская, 2012, с. 147–148].

Стремление обрести союзников в мусульманском мире было одним из факторов, способствовавших установлению в 1990-е гг. отношений Израиля со странами Центральной Азии и Азербайджаном.

Религиозная идентичность в Израиле, очевидно, воздействует на политику государства в отношении палестинской проблемы. Ультраортодоксы (и не только они) считают, что Западный берег реки Иордан – это библейские земли Иудеи и Самарии. Религиозные партии наряду с правыми активно продвигают постройку поселений на оккупированных палестинских территориях, «легитимируя» их через сакральность религиозно-исторических мифов.

К элементам внешнего влияния на эти процессы можно отнести перенос Соединенными Штатами посольства в Иерусалим и признание ими израильского суверенитета над Голанскими высотами, а также готовность поддержать распространение израильского суверенитета на поселения в угоду не только силам, поддерживающим Б. Нетаньяху, но и собственным американским евангелистам.

Ливан. Противоречия между конфессиональными общинами и внутри них оказывают значительное воздействие на внешнеполитический курс Ливана. Убийство бывшего премьер-министра Рафика Харири в феврале 2005 г. привело к «Революции кедров» и расколу страны на два лагеря: просирийский, возглавляемый Хизбаллой блок «8 марта» и антисирийский, ориентированный на Запад и поддерживаемый Саудовской Аравией блок «14 марта» [Jaafar, Stephan, 2009, p. 175–176]. За просирийский альянс выступили в основном шииты, за антисирийский – сунниты, христиане-марониты и друзья. Степень антагонизма была столь велика, что на саммиты ЛАГ в то время ездили несколькими делегациями, придерживаясь противоположных позиций [Савичева, 2008, с. 38]. Сейчас в блоке «8 марта» уживаются как шииты, так и христиане-марониты из партии «Свободное патриотическое движение» М. Ауна.

С начала XXI в. Ливан стал ареной для политического (и отчасти конфессионального, суннитско-шиитского) соперничества Саудовской Аравии с Ираном. На фоне сирийского кризиса конфликт за доминирование в Ливане усиливается. Сирийский кризис не мог не сказаться на внутривнутриполитической обстановке в Ливане. В результате блок «8 марта» стоит на стороне режима Асада, а блок «14 марта» поддерживает оппозицию и суннитских боевиков в Сирии. Хизбалла участвует в сирийской гражданской войне на стороне правительства с самого ее начала.

Шиитская община, в частности, продвигает идею, что Ливан – страна сопротивления, а те, кто выступает против такой политики, являются предателями. Как раз Ливан и в частности Хизбалла являются частью «оси сопротивления», выстраиваемой Ираном. В то же время суннитов активно поддерживает Саудовская Аравия. Суннитско-христианская коалиция во главе с премьером С. Харири категорически против прямых взаимоотношений с Сирией и ее союзниками в регионе, прежде всего с Ираном. В последнее время в борьбу за Ливан включился Катар, который претендует на саудовские позиции на ливанском политическом поле. Так, Доха увеличивает свое влияние через оказание финансовой помощи без всяких условий.

Современная ситуация и историческое наследие Ливана указывают на то, насколько сильно на страну влияет сложный конфессиональный ландшафт. Политическая система страны не в состоянии обеспечить национальный консенсус по целому ряду стратегических вопросов и не может вырабатывать эффективную внешнюю политику. Местные силы с учетом различных идентичностей и идеологий часто объединялись с внешними покровителями для укрепления своих позиций во внутренней политической борьбе. Такая связь внутренней и внешней политики усиливает уязвимость Ливана.

Иран. Внешняя политика Ирана в последние десятилетия представляет собой синтез подходов, предложенных еще при Хомейни, и прагматических устремлений нового руководства.

Если во внутривластном дискурсе «исламская» и «шиитская» идентичности почти неотделимы друг от друга, то во внешней политике руководство Исламской Республики может выбирать наиболее выгодную для взаимодействия с конкретными партнерами идентичность. В первые годы после исламской революции основным направлением внешней политики ИРИ был провозглашен «исламский интернационализм». Предстояло решить такие задачи, как становление Ирана в качестве общемусульманского лидера и регионального центра силы. Первая задача, для работы с преимущественно суннитским «исламским миром», требовала некоторого абстрагирования от «шиитской» идентичности; в то время как вторая, напротив, предполагала выдвижение ее вперед, для лучшего взаимопонимания с шиитскими общинами стран региона и более успешного «экспорта исламской революции». Точно так же в последние десятилетия исламская идентичность выдвигается вперед, когда необходимо поддержать палестинцев или ХАМАС, шиитская – когда ливанскую Хизбаллу или йеменских хуситов и т.д. [Юртаев, 2012, с. 214].

С 2013 г. администрацией Хасана Роухани реализуется политика «наступательного реализма». Новый курс хотя и разрабатывается при участии представителей клерикальных кругов и Верховного Лидера ИРИ, но акцента на «исламскую идентичность» как таковую не имеет. Она скорее выступает фоном действий Исламской Республики, направленных на усиление позиций ИРИ в регионе, или в качестве инструмента для лучшего взаимодействия с теми союзниками, для которых она важна.

Что же касается вынужденного «балансирования» между шиитской и исламской идентичностями, то оно в последние годы осуществляется с особой осторожностью. Многое делается для того, чтобы сгладить возможные острые углы. Например, еще в 1990 г. была учреждена Всемирная ассамблея по сближению исламских мазхабов – международная мусульманская организация, деятельность которой главным образом направлена на проведение международных конференций и пропаганду «примирения» исламских мазхабов. С этого же времени под патронажем Министерства культуры и исламской ориентации Ирана во многих странах (более чем в 150) действуют «исламские фонды» и культурные центры, основными направлениями деятельности которых являются распространение исламской шиитской литературы и пропаганда мусульманских ценностей. [Надтока, 2018]. В работе фондов «идентичность» также используется опционально и является инструментом «мягкой силы» ИРИ.

* * *

На современном Ближнем Востоке наблюдаются различные модели взаимодействия идеологической светской и более традиционных идентичностей. Исследования политизации идентичностей и их влияния на внешнюю политику ряда государств региона позволяют сформулировать выводы, которые могут лечь в основу подхода к прогнозированию региональных конфликтных тенденций.

Многочисленные конфликты в регионе способствовали фрагментации обществ и политизации идентичностей в тех странах, которые стали их жертвами. Принадлежность к определенной конфессиональной, этнической, племенной группе обеспечивает защиту, безопасность, поддержку и лояльность окружения. Спектр факторов формирования политической идентичности включает также внешнее влияние со стороны Запада, направленное на продвижение институтов (нередко с помощью свержения режимов), которые, однако, редко приживаются на местной почве в своем исходном варианте.

Оценка влияния политических идентичностей на внешнюю политику показывает, что эти идентичности, еще более политизируясь, открывают особые возможности для выстраивания как отношений на межгосударственном уровне, так и связей с близкими в культурном отношении прокси (будь то общины или отдельные организации и группировки).

И наконец, следует обратить внимание на ситуативность использования фактора идентичности во внешней политике. В зависимости от обстоятельств акцентирование религиозной или конфессиональной идентичности, выгодное там, где она имеет особое значение для игроков, может выглядеть анахронизмом в условиях широкого международного взаимодействия, даже оттолкнуть потенциальных партнеров.

Политизация религиозной или этнической идентичностей не означает замещения ими общегражданских идентичностей. Более того, ренессанс светской идентичности в быстро развивающихся и становящихся все более молодыми обществах выглядит в перспективе практически неизбежным, что не означает ни исчезновения, ни даже существенной маргинализации традиционных идентичностей. Просто их политизация станет менее востребованной и заметной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Геллнер Э. *Нации и национализм*. М.: Прогресс, 1991 [Gellner E. *Nations and Nationalism*. Moscow: Progress, 1991 (in Russian)].

Жигалина О.И. *Этносоциальная эволюция иранского общества*. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996 [Zhigalina O.I. *Ethno-Social Evolution of Iranian Society*. Moscow: Vostochnaya literatura RAS, 1996 (in Russian)].

Звягельская И.Д. *История Государства Израиль*. М.: Аспект-Пресс, 2012 [Zviagel'skaia I.D. *History of the State of Israel*. Moscow: Aspekt-Press, 2012 (in Russian)].

Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. Государство на Ближнем Востоке. Будущее началось вчера. *Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 4(51). С. 6–19 [Zviagel'skaia I.D., Kuznetsov V.A. Statehood in the Middle East. The Future Which Started Yesterday. *International Trends (Mezhdunarodnyye protsessy)*. 2017. Vol. 15. No. 4(51). Pp. 6–19 (in Russian)].

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2017 [Identity: Personality, society, politics. *Encyclopedic edition*. Ed. by I.S. Semenenko. IMEMO RAS. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017 (in Russian)].

Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции. *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. Москва: ИВ РАН, 2015. С. 229–240 [Kireev N.G. Islamic and Turkish synthesis in the state ideology of Turkey. *Nations and nationalism in the Muslim's East*. Eds. by V.Ya. Belokrenitsky, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: IOS RAS, 2015. Pp. 229–240 (in Russian)].

Косач Г.Г. Палестинский национализм: становление и эволюция. *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. Москва: ИВ РАН, 2015. С. 116–129 [Kosach G.G. Palestinian nationalism: formation and evolution. *Nations and nationalism in the Muslim's East*. Eds. by V.Ya. Belokrenitsky, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: IOS RAS, 2015. Pp. 116–129 (in Russian)].

Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока. *Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 томах. Т. 2: Идентичность и социально-политические измерения в XXI веке*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С. 155–183 [Kudriashova I.V. Political Changes and Transformation of Identity in the Countries of the Muslim East. *Political Identity and Identity Politics. In 2 Volumes. Vol. 2: Identity and socio-political dimensions in the XXI century*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: ROSSPEN, 2012. Pp. 155–183 (in Russian)].

Кузнецов В.А. От Океана до Залива: идентичность одного региона в условиях неомодерна. *Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*.

2019. Т. 11, № 2. С. 9–39 [Kuznetsov V.A. From the Ocean to the Gulf: One Region's Identity in the Context of Neomodernity. *Bulletin of Moscow State University. Series 25. International Relations and World Politics*. 2019. Vol. 11, No. 2. Pp. 9–39 (in Russian)].

Надтока Р. Религиозный вектор внешней политики Исламской Республики Иран: В поисках баланса. *Политическое образование*. 2018 [Nadtoka R. Religious Vector of Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran: In Search of Balance. *Politicheskoe obrazovanie*. 2018 (in Russian)] <http://lawinrussia.ru/content/sootnoshenie-religii-i-vneshney-politiki-islamskoy-respubliki-iran> (accessed: 5.11.2018).

Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества. *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. № 1. С. 66–96 [Naumkin V.V. Deeply divided societies in the Middle East: conflict, violence, and foreign intervention. *Bulletin of Moscow State University. Series 25. International Relations and World Politics*. 2015. No.1. Pp. 66–96 (in Russian)].

Нации и национализм на мусульманском Востоке. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. Москва: ИВ РАН, 2015 [Nations and nationalism in the Muslim's East. Eds: V.Ya. Belokrenitsky, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: IOS RAS, 2015 (in Russian)].

Нессар М.О. Этноплеменной фактор и политический процесс в современном Афганистане. *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. Москва: ИВ РАН, 2015. С. 379–383 [Nessar M. O. Ethnic and tribal factor and political process in modern Afghanistan. *Nations and nationalism in the Muslim's East*. Ed. by V.Ya. Belokrenitsky, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: IOS RAS, 2015. Pp. 379–383 (in Russian)].

Оганисян Л.Д. Политика США и ЕС в Тунисе: поддержка демократизации. *Восток (Oriens)*. 2016. № 3. С. 127–137 [Oganisian L.D. US and EU Policy in Tunisia: Support for Democratization. *Vostok (Oriens)*. 2016. No. 3. Pp. 127–137 (in Russian)].

Орешкова С.Ф. К вопросу об этнической идентификации мусульманских народов: османский опыт. *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. Москва: ИВ РАН, 2015. С. 159–163 [Oreshkova S.F. On the issue of ethnic identification of Muslim peoples: Ottoman experience. *Nations and nationalism in the Muslim's East*. Ed. by V.Ya. Belokrenitsky, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: IOS RAS, 2015. Pp. 159–163 (in Russian)].

Орлов В.В. Самоотожествление в арабском мире: этническое, конфессиональное, национальное. *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. Москва: ИВ РАН, 2015. С. 147–158 [Orlov V.V. Self-Identification in the Arab world: ethnic, confessional, national. *Nations and nationalism in the Muslim's East*. Ed. by V.Ya. Belokrenitsky, N.Yu. Ul'chenko. Moscow: IOS RAS, 2015. Pp. 147–158 (in Russian)].

Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х томах. Т.1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011 [Semenenko I.S. (ed.) *Political Identity and Identity Politics*. In 2 Volumes. Vol. 1: Identity as a Category of Political Science: A Dictionary of Terms and Concepts. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2011 (in Russian)].

Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х томах. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. Отв. ред. И.С. Семенов. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012 [Semenenko I.S. (ed.) *Political identity and identity politics*. In 2 Volumes. Vol. 2: Identity and socio-political dimensions in the XXI century. Moscow: ROSSPEN, 2012. (in Russian)].

Прозоров С.М. Шиитская (имамитская) доктрина верховной власти. *Ислам. Религия, общество, государство*. Отв. ред. П.А. Грязневич, С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 204–211 [Prozorov S.M. The Shiite Doctrine of the Supreme Power. *Islam. Religion, society, State*. Ed. by P.A. Griaznevitch, S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, Glavnaia redakstiiia vostochnoi literatury, 1984. Pp. 204–211 (in Russian)].

Савичева Е.М. Ливанский кризис: гражданская война и ненадежный мир. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2008. № 2. С. 29–40 [Savicheva E.M. The Lebanese Crisis: Civil War and Unreliable Peace. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2008. No. 2. Pp. 29–40 (in Russian)].

Семенов И.С. Политика идентичности и политическая идентичность. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2011. Т. 7. № 2. С. 5–24 [Semenenko I.S. Political Identity and Identity Politics. *Political expertise: POLITEX*. 2011. Vol. 7. No. 2. Pp. 5–24 (in Russian)].

Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *ПОЛИС. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28 [Semenenko I.S. Political Identity and Identity Politics: Ethnic and National Perspectives, European Contexts. "Polis. Political Studies" Journal. 2016. No. 4. Pp. 8–28 (in Russian)].

Тишков В.А. Идентичность и культурные границы. *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*: Сб. статей. Под ред. М.Б. Олкотт, В.А. Тишкова и А.В. Малащенко. М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 15–43 [Tishkov V.A. Identity and Cultural Boundaries. *Identity and Conflict in Post-Soviet States*: Collected articles. Ed. by M.B. Olcott, V.A. Tishkov, A.V. Malashenko. Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi, 1997. Pp. 15–43 (in Russian)].

Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран в 1979–2010 гг.: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. историч. наук: 07.00.15. РУДН. М.: 2012. [Urtaev V.I. *Features and Implementation of the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran in 1979–2010*. PhD Thesis. RUDN. Moscow: 2012. (in Russian)].

2017 Report on International Religious Freedom: Lebanon. *International Religious Freedom Report for 2017*. United States Department of State. <https://www.state.gov/reports/2017-report-on-international-religious-freedom/lebanon/> (accessed: 15.11.2019).

Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.

Anderson L. Power-sharing in Kirkuk. *Power sharing in deeply divided places*. Ed. by McEvoy J., O'Leary B. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2013. Pp. 364–385.

Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 2002.

Burton J. *Conflict: Resolution and Prevention*. London: The Macmillan Press Ltd, 1990.

Calhoun C. *Social Theory and the Politics of Identity*. Oxford: Blackwell, 1994.

Coate R., Thiel M. Identity Politics and Political Identities: Local Expressions of Globalizing World. *Identity Politics in the Age of Globalization*. Ed. by R. Coate, M. Thiel. Boulder: FirstForumPress, 2010. Pp. 1–30.

Dalglish B. Problematizing the Political Theory of Identity Politics: Towards an Agonistic Freedom. *KRITIKE*. 2013. Vol 7. No. 1. Pp. 69–95.

Devlin J. The Baath Party: Rise and Metamorphosis. *The American Historical Review*. 1991. Vol. 96, Issue 5. Pp. 1396–1407.

Diamond E. Identity Politics Then and Now. *Theatre Research International*. 2012. Vol. 37, No. 1. Pp. 64–67.

Duran B. Erdoğan'ın BM'deki Feryadı. *Kriter Dergisi*. Ekim 2019 / Yıl 4, Sayı 39. S. 6–8 [Duran B. Erdogan's Call on the UN. *Kriter Journal*. October 2019 / Year 4, No. 39. Pp. 6–8 (in Turkish)].

Final election results see Likud up to 32 Knesset seats. *Israel Hayom*. <https://www.israelhayom.com/2019/09/25/final-election-results-see-likud-up-to-32-knesset-seats/> (accessed: 25.09.2019).

Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Güzel H.C. Tek çözüm: 'Türk Milleti' üst kimlik -1. *Sabah Gazetesi*. 09.10.2013 [Guzel H.C. The Only Decision: 'Turkish People' is the Upper-Level Identity -1. *Sabah Newspaper*. 09.10.2013 (in Turkish)] <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/guzel/2013/10/09/tek-cozum-turk-milleti-ust-kimlik-1> (accessed: 09.04.2020).

Hinnebusch R. *The international politics of the Middle East: Second edition*. Manchester: Manchester University Press, 2015.

Hogan P.C. *Colonialism and Cultural Identity: Crises of Tradition in the Anglophone Literatures of India, Africa, and the Caribbean*. Albany: State University of New York Press, 2000.

Horowitz D.L. *Ethnic Groups in Conflict*. Los Angeles: University of California Press, 1985.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72. No. 3. Pp. 22–49.

Jaafar R., Stephan M.J. Lebanon's Independence Intifada: How an Unarmed Insurrection Expelled Syrian forces. *Civilian Jihad. Nonviolent Struggle, Democratization and Governance in the Middle East*. Ed. by M.J. Stephan. New York: Palgrave Macmillan, 2009. Pp. 169–184.

Kalın İ. Türkiye'nin Kimliği. *SETA*. 24.04.2006 [Kalin I. The Identity of Turkey. *SETA*. 24.04.2006 (in Turkish)] <https://www.setav.org/turkiyenin-kimligi/> (accessed: 09.04.2020).

Karpat K. *Osmanlı'dan günümüze kimlik ve ideoloji*. İstanbul: Timaş Yayınları, 2009 [Karpat K. *Identity and Ideology from the Ottomans to Nowadays*. İstanbul: Timas Yayinlari, 2009 (in Turkish)].

Kausch K. Identity Politics and Regional Order in the Levant. *The Levant. Search for a Regional Order*. Ed. by Mustafa Aydın. Tunis: KAS, 2018. Pp. 48–65.

Krayem H. The Lebanese Civil War and the Taif Agreement. *Conflict resolution in the Arab world: Selected essays*. Ed. by P. Salem. New York: Syracuse University Press, 1997. Pp. 411–436.

Kumar R. *Negotiating peace in deeply divided societies: a set of simulations*. New Delhi: Sage Publications India, 2009.

Laquer W. *A History of Zionism*. New York: Schocken Books, 2003.

Lijphart A. Consociational democracy. *World Politics*. 1969. No. 21. Pp. 207–225.

McCulloch A. *Power-sharing and political stability in deeply divided societies*. Hoboken: Taylor and Francis, 2014.

Muslim Millennial Attitudes on Religion and Religious Leadership II: Algeria, Iraq, Lebanon, Libya, Mauritania, Oman, Qatar, Sudan, Tunisia, Yemen. Tabah Foundation. 2017. https://mmasurvey.tabahfoundation.org/downloads/mmasurvey2_en_web-key-findings.pdf (accessed: 15.11.2019).

Oran B. *Türkiye'de Azınlıklar. Kavramlar, Teori, Lozan, İç Mevzuat, İçtihat, Uygulama*. İstanbul: TESEV Yayınları, 2004 [Oran B. Minorities in Turkey. Concepts, Regulations, Adaptation and Interpretations. İstanbul: TESEV Yayınları, 2004 (in Turkish)].

Özkök E. 23 Haziran sonrasında dindarlık ne durumda Atatürkçülük ne oldu. *Hürriyet Gazetesi*. 31.07.2019 [Ozkok E. What is the State of Religiosity after June 23 and What Happened to Atatürkism. *Hürriyet Newspaper*. 31.07.2019 (in Turkish)] <http://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/ertugrul-ozkok/23-haziran-sonrasinda-dindarlik-ne-durumda-ataturkculuk-ne-oldu-41289050> (accessed: 01.09.2019).

Playing the Sectarian Card: Identities and Affiliations of Local Communities in Syria. Stolleis F. (ed.) Beirut: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2015.

Roshvald A. *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914–1923*. London: Routledge, 2001.

Sadi R. Türküm Türkiyeli değil. *Haber sitesi OdaTV*. 14.02.2017 [Sadi R. I Am 'Turkish', I Am Not 'from Turkey'. *OdaTV News portal*. 14.02.2017 (in Turkish)] <https://odatv.com/turkum-turkiyeli-degil-1402171200.html> (accessed: 09.04.2020).

Saunderson W., Weinreich P. *Analyzing Identity: Cross-Cultural, Societal and Clinical Contexts*. London: Routledge, 2003.

Tajfel H. *Differentiation between social groups Studies in the social psychology of intergroup relations*. London: Academic Press, 1978.

Türkdoğan O. *Türk toplumunun tarihsel kimliği ve günümüz sorunları*. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2016 [Türkdoğan O. *Historical Identity of Turkish People and Modern Problems*. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2016 (in Turkish)].

Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. 66. Madde [Constitution of the Republic of Turkey. Article 66 (in Turkish)] https://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/tc_anayasasi.maddeler?p3=66 (accessed: 01.09.2019).

Uncharted Journey: Promoting Democracy in the Middle East. Ed. by Carothers T., Ottaway M. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2005.

Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict. Tabrizi A., Pantucci R. (eds.). London: Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, 2016.

Uyanık M. Siyasal kimlik kavramı: Müslüman Demokrat. *Yeni Şafak Gazetesi*. 21.08.2012 [Uyanık M. Political Identity Concept: Muslim Democrat. *Yeni Şafak Newspaper*. 21.08.2012 (in Turkish)] <https://www.yenisafak.com/yerel/siyasal-kimlik-kavrami-musluman-demokrat-403709> (09.04.2020).

Uzer U. *Identity and Turkish Foreign Policy: The Kemalist Influence in Cyprus and the Caucasus*. New York: I. B. Tauris, 2011.

Uzer U. The Revival of Ottomanism in Turkish Foreign Policy: "The World is Greater than Five". *Turkish Policy Quarterly Journal*. 2018. <http://turkishpolicy.com/article/893/the-revival-of-ottomanism-in-turkish-foreign-policy-the-world-is-greater-than-five> (accessed: 15.11.2019).

Waxman D. *The Pursuit of Peace and the Crisis of Israeli Identity: Defending/defining the Nation*. New York: Palgrave Macmillan, 2006.

Wimmen H. *Syria's Path from Civic Uprising to Civil War*. Carnegie Endowment for International Peace, 2016. <https://carnegieendowment.org/2016/11/22/syria-s-path-from-civic-uprising-to-civil-war-pub-66171> (accessed: 15.11.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – д.и.н., профессор, руководитель Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Irina D. ZVYAGELSKAYA, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for the Middle East Studies, IMEMO.

БОГАЧЕВА Анастасия Сергеевна – старший лаборант-исследователь Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Anastasia S. BOGACHEVA, Senior Laboratory Assitant-Researcher at the Center for the Middle East Studies, IMEMO.

ДАВЫДОВ Алексей Андреевич – к.полит.н., научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Alexey A. DAVYDOV, PhD (Political Science), Research Fellow at the Center for the Middle East Studies, IMEMO.

ИБРАГИМОВ Ибрагим Эминович – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Ibragim E. IBRAGIMOV, Junior Research Fellow at the Center for the Middle East Studies, IMEMO.

САМАРСКАЯ Людмила Максимовна – младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Liudmila M. SAMARSKAIA, Junior Research Fellow at the Center for the Middle East Studies, IMEMO.

СВИСТУНОВА Ирина Александровна – к.и.н., старший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Irina A. SVISTUNOVA, PhD (History), Senior Research Fellow at the Center for the Middle East Studies, IMEMO.

СУРКОВ Николай Юрьевич – к.полит.н., старший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Nikolai Yu. SURKOV, PhD (Political Science), Senior Research Fellow at the Center for the Middle East Studies, IMEMO.